

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-147-159>

КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ ИРАНА И ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Александр Иванович Полищук

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
polyshuk20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2296-4858>

Аннотация. В статье рассматривается культурный фактор в отношениях Исламской Республики Иран с постсоветскими республиками Центральной Азии. В его основе лежит культурная близость, позволяющая включать эти страны в ареал «Большого Ирана» с общим цивилизационным компонентом, историческими традициями и интеллектуально-художественным наследием. Концепция «Большого Ирана» во внешней политике ИРИ сложилась в 90-е гг. XX в. после постепенной смены экспансионистского лозунга «экспорта исламской революции» на лозунг «экспорта ирано-исламской культуры». В свою очередь, республики Центральной Азии в поисках национальной идентификации опираются на авторитет великих предков, многие из которых имеют прямое отношение к культуре «Большого Ирана». У каждой из стран Центральной Азии свои культурные особенности и внешнеполитические предпочтения. Тем не менее, общие с Ираном культурные авторитеты прошлого, общие праздники, совместные исследования «общей истории» помогают создавать атмосферу для решения важных вопросов политического и экономического взаимодействия.

Ключевые слова: Иран, страны Центральной Азии, «Большой Иран», персидская культура, культурная общность

Для цитирования: Полищук А. И. Культурный фактор в отношениях Ирана и государств Центральной Азии. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):147-159. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-147-159>

Original article. Politics studies

THE CULTURAL FACTOR IN RELATIONS BETWEEN IRAN AND CENTRAL ASIAN STATES

Alexander Polishchuk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
polyshuk20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2296-4858>

Abstract. The article examines the cultural factor in the relations of the Islamic Republic of Iran with the post-Soviet republics of Central Asia. It is based on cultural proximity, which allows these countries to be included in the area of «Greater Iran» with a common civilizational component, historical traditions and intellectual and artistic heritage. The concept of «Greater Iran» in Iranian foreign policy emerged in the 90s of the twentieth century. after a gradual change from the expansionist slogan of «export of the Islamic revolution» to the slogan of «export of Iranian-Islamic culture» In turn, the Central Asian repub-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

lics, in search of national identification, rely on the authority of their great ancestors, many of whom are directly related to the culture of «Greater Iran.»

Each of the Central Asian countries has its own cultural characteristics and foreign policy preferences. Nevertheless, cultural authorities of the past that are common with Iran, common holidays, and joint research into a «common history» help create an atmosphere for resolving important issues of political and economic interaction. Keywords: Saudi Arabia, Qatar, Kuwait, United Arab Emirates, OECD DAC, Israel, Gaza Strip

For citation: Polishchuk A. I. The Cultural Factor in Relations between Iran and Central Asian States. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):147-159. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-147-159>

Отношения Исламской Республики Иран и пяти постсоветских стран Центральной Азии (ЦА) стали активно складываться в начале 90-х гг. XX в. Именно в этот период бывшие советские республики стали полноправным субъектом международных отношений, а политика Ирана переживала модификацию – «замену радикального идеализма на прагматический реализм» [Уостнидж, 2014, с. 133]. Напомним, что после Исламской революции 1979 г., в результате которой к власти пришло шиитское духовенство, во внутренней и внешней политике главным стал лозунг: «Ни Запад, ни Восток – Исламская Республика». На протяжении всего первого послереволюционного десятилетия диалог Ирана с внешним миром был затруднен, а в области идеологии и культуры была предпринята попытка радикально отмежеваться от идеологического влияния чуждой исламу культуры, включая богатейшие пласты иранского культурного наследия.

Лозунг «ни Запад, ни Восток» был направлен прежде всего против западной буржуазной идеологии и культуры, а также против коммунистической идеологии СССР и Китая. Негативное же отношение к собственно иранской культуре было призвано дискредитировать проводимую шахом политику поддержки национального элемента в культуре в противовес ее исламской составляющей. В отрицании собственной культуры шиитские идеологи дошли до запрета персидской классической поэзии, признанной во всем мире кладезем мудрости, мерилom общечеловеческих морально-этических ценностей и образцом поэтического мастерства. Негативное отношение руководства ИРИ к собственной культуре, которая для народов Центральной Азии веками была образцом для подражания, а также провозглашаемый шиитскими властями лозунг «экспорта исламской революции» вызывали у руководства советских республик Центральной (Средней) Азии настороженность и нежелание поддерживать гуманитарные контакты с ИРИ.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Постепенно шиитские власти и дипломатический корпус ИРИ начали приходить к пониманию бесперспективности такой политики для развития страны и отношений с соседями. Во многом этому способствовала изнурительная ирано-иракская война (1980–1988), которая показала Тегерану невозможность утверждения своего влияния в регионе исключительно силовыми методами. И лозунг экспорта исламской революции еще самим ее вождем Хомейни в конце 80-х гг. был заменен на «экспорт исламской культурной революции», а в период прагматичной дипломатии президента А. А. Хахеми-Рафсанджани (1989–1996) внешнеполитический курс был скорректирован как «экспорт культуры исламской революции». С приходом к власти президента М. Хатами (1997–2005) дипломатами стал использоваться лозунг «экспорт ирано-исламской культуры» [Соболева, Карими Риаби, 2021, с. 132].

При этом само понятие «ирано-исламская культура» претерпело значительную трансформацию. Как отмечалось выше, в первые годы после революции основным содержанием культурной политики руководства ИРИ было снижение внимания к древней, доисламской культуре Ирана в пользу традиций и практики официального ислама шиитского толка. С подачи Высшего совета культурной революции под запретом оказались широкое празднование Ноуруза, а также вся суфийская поэзия с ее смелыми символическими образами – вина и женской красоты. Однако незадолго до кончины имама Хомейни публике стало известно, что он сам пишет стихи, погружаясь в глубины эрфана – в печати появился его сборник «Бе суй-е эшк» («В сторону любви»). Публикацию этих стихов нельзя считать случайной. Возможно, «имам Хомейни восхотел остаться в памяти иранцев не только, а может быть не столько как создатель концепции и теории «веляйте факих» (правление мусульманского богослова-правоведа), но и как носитель иранской культурной традиции, и обеспечить свой «эсламийят» своим же «иранийятом», обеспечить сбалансированность этих начал» [Арабаджян, 1998, с. 33].

Усиленное внимание стало уделяться изучению и распространению персидского языка и литературных памятников на нем. В декабре 1990 г. в литературную жизнь ИРИ была возвращена эпическая поэма Фирдоуси «Шахнаме», запрещенная исламскими властями в 1979 г. [Кляшторина, 1998, с. 121]. «Сегодня правящая элита ИРИ отчетливо осознает значимость самого института “культурного наследия” в жизни общества и активно использует его во внутренней и внешней политике, в частности, в регионе стран Западной и Центральной Азии» [Кляшторина, 1998, с. 122].

Хотя содержание термина «ирано-исламская культура» претерпело значительную эволюцию, значение культурного фактора во внутренней и внешней политике Ирана за 45 лет несколько не ослабело. Работа

«по расширению влияния культурных ценностей ИРИ» детально расписана в долговременном «Плане культурной инженерии», который по указанию Верховного лидера ИРИ Али Хаменеи был утвержден Высшим советом культурной революции в 2014 г. В статье 6 раздела 13 иранская культура (в самом широком смысле) рассматривается как «мягкая сила» Ирана и инструмент «укрепления культурного фронта исламской революции» в регионе и мире [Полищук, 2019].

В то же время государства ЦА, получившие независимость с распадом СССР, стали строить свою новую национально-идентификационную политику, опираясь на традиционные ценности досоветского периода и авторитеты великих предков, среди которых исторические и легендарные личности далекого прошлого: правители, полководцы, поэты, ученые. Многие из них не были этническими персами, но в своих научных и литературных трудах они активно использовали персидский язык наряду с арабским и своими родным языками.

В выстраивании отношений с новыми независимыми республиками Центральной Азии ИРИ с середины 90-х годов стала широко применять аргумент культурной общности, включая народы ЦА в ареал «*Большого Ирана*» и «*исламской цивилизации*» в контексте «Диалога цивилизаций» при президенте Хатами. «Центральная Азия имеет с Ираном социокультурную, религиозную и историческую общность с давними традициями. Распространение персидского языка в этом регионе в различные исторические периоды придавало этим взаимоотношениям особую окраску» [с. 15]. Отношения ЦА с Ираном «сложились еще до появления ислама и даже до христианства. Большая часть территории нынешней Центральной Азии в древности была частью Ирана» [Санаи, 2002, с. 16]. «Школы Мавераннахра и Хорасана получили особое развитие и стали колыбелью великих ученых, используя систему обучения и воспитания, заимствованную именно у древних иранцев» [Санаи, 2002, с. 17]. «Шёлковый путь явился средством распространения иранской культуры, искусства и языка на всей территории Центральной Азии и особенно в городах, расположенных между Бухарой и Кашгаром. Можно обоснованно говорить о том, что иранская культура проявлялась во всех сферах жизни народов Центральной Азии, как во время вхождения Мавераннахра в Иран, так и после его отделения» [Санаи, 2002, с. 17]. Эти утверждения принадлежат бывшему послу Ирана в России Мехди Санаи, который с середины 90-х гг. работал в Казахстане, где стал первым руководителем Культурного представительства Ирана¹.

¹ В августе 2024 г. Мехди Санаи назначен заместителем руководителя администрации Президента ИРИ Масуда Пезешкиана по политическим вопросам [Экс-посла Ирана в РФ назначили..., 2024].

Это представительство при Посольстве Ирана в Казахстане было открыто в Астане в 1997 г. под эгидой созданной двумя годами ранее *Организации культуры и исламских связей ИРИ*, инструмента практического осуществления иранской культурной политики за рубежом. В 1999 г. было открыто Культурное представительство Ирана в Туркменистане. Первые 4 года его руководителем был Абузар Эбрахими Торкаман, возглавивший с 2008 г. такое же представительство в Москве, а в 2013 г. – ОКИС. Культурный центр ИРИ в Кыргызстане был открыт только в 2010 г., но с 2002 г. там действует Общество дружбы «Кыргызстан – Иран», деятельность которого заметно укрепила киргизско-иранские культурные связи.

В ИРИ сознавали, что мусульмане всех постсоветских республик ЦА традиционно исповедуют ислам суннитского толка, поэтому, ставя цель культурного сближения с этими странами, Иран не стал делать акцент на религиозной составляющей своей культуры. Деятельность иранских культурных центров там сосредоточена на организации выставок традиционного искусства, Дней памяти великих «общих» поэтов (таких как Рудаки, Саади, Хафиз, Руми, Хайям) и ученых (Ибн Сина, аль-Газали, Улугбек, Бируни); праздновании Ноуруза, организации курсов персидского языка, привлечения внимания к туристическим достопримечательностям Ирана и его объектам под эгидой ЮНЕСКО.

В Узбекистане традиционно настороженно относятся к иранскому присутствию в регионе, и Культурное представительство Ирана в Ташкенте носит скромное название «Культурный *отдел* при Посольстве». В своей деятельности он ограничивается предоставлением книг и оборудования узбекским университетам, где изучают персидский язык. Сохранение дистанции объясняется не только опасениями распространения шиитской идеологии в исторически суннитской среде, но тем, что Узбекистан позиционирует себя хранителем тюркского единства и наследником империи Тамерлана, не пользующегося доброй памятью в Иране. При этом в Самарканде и Бухаре проживает значительное персоязычное меньшинство, которое не без оснований считает себя частью «иранзамин» (земли Ирана).

Наиболее близким Ирану в культурном плане является Таджикистан, который с момента обретения независимости стал активно развивать культурные связи с ИРИ. Меморандум о культурном сотрудничестве между ИРИ и Республикой Таджикистан был подписан еще в 1993 г. Иран спонсировал открытие книжных магазинов, создание памятников Омару Хайяму и Фирдоуси в Душанбе. Иранское посольство содействовало восстановлению по всей стране библиотек, содержащих в своих фондах материалы по персидскому языку и литературе, и факультетов,

на которых преподавался фарси. Иран не ограничивал сотрудничество с Таджикистаном только гуманитарной сферой: он сыграл конструктивную роль в прекращении гражданской войны в РТ, предоставив свою площадку для переговоров и не приняв сторону таджикской (формально «происламской») оппозиции. Иран способствовал возрождению таджикской экономики, помогая восстанавливать ГЭС Сангтуда-2 и построить туннель Анзоб на Памире [Mahmoudi, 2007].

В нынешней сложной международной обстановке Иран стремится к добрососедским отношениям со всеми странами Центральной Азии для поддержания региональной безопасности и сохранения имиджа надежного партнера и сильного независимого игрока, претендующего на роль одного из цивилизационных полюсов многополярного мира. Иран не игнорирует интересы России в странах Центральной Азии, активно участвуя в международных мероприятиях РФ (торгово-экономических выставках, научно-практических конференциях, международных спортивных состязаниях, кинофестивалях, медиафорумах). В 2023 г. Иран официально стал членом ШОС, а с января 2024 г. вошел в БРИКС, включившись во все региональные культурные программы по линии этих организаций.

«Иран всегда был важным игроком в Центральной Азии. Естественно, если бы не западные санкции, Иран, *опираясь на свое культурное и историческое влияние* (курсив мой – А. П.), современные достижения в научных, технологических, промышленных, медицинских и других сферах, мог бы играть более активную роль. Но, конечно, есть и другие факторы. Центральная Азия является одним из немногих регионов, где Иран достаточно четко учитывает интересы России и кажется, что он пока не считает растущее влияние Китая в Центральной Азии противоречащим своим интересам. Ведь присутствие этих двух важных игроков делает регион более предсказуемым и безопасным для Ирана с точки зрения внешних угроз» [Бекмухаммад, 2024].

Во время визита в Иран на инаугурацию новоизбранного президента ИРИ Масуда Пезешкиана президент Таджикистана Эмомали Рахмон встретился с Духовным лидером Ирана Али Хаменеи. В ходе встречи Рахмон «подчеркнул *историческую и культурную общность двух стран* (курсив мой – А. П.), и выразил твердую решимость Таджикистана «продолжать укреплять связи в духе взаимопонимания и партнерства» [Аслонова, 2024].

Хаменеи, в свою очередь, выразил мнение, что «Иран нацелен на расширение отношений с государствами региона, особенно с теми, с которыми у Ирана есть *общие языковые, исторические и религиозные корни*» (курсив мой – А. П.). Духовный лидер Ирана отметил важность

персидского языка как общего культурного наследия для Ирана, Таджикистана и Афганистана, подчеркнув необходимость активного поддержания и развития этого языка. В этом контексте он поблагодарил главу Таджикистана за усилия по популяризации персидского языка в стране и выразил надежду на дальнейшее распространение древней персидской письменности» [Необходимость расширения..., 2024].

Заметную роль в продвижении иранской культуры в ЦА играет Международный Фонд иранистики, созданный в ИРИ в 1998 г. Фонд, имеющий свои отделения во всех республиках ЦА, регулярно проводит поэтические вечера и лекции по персидской литературе, при нем функционируют курсы персидского языка. Курсы и мастер-классы по каллиграфии, выставки известных иранских каллиграфов и художников-миниатюристов, проведение концертов иранских музыкантов, показы иранских фильмов способствуют созданию привлекательного образа ИРИ и хорошего эмоционального фона для восприятия современного Ирана.

Культурные представительства при посольствах ИРИ совместно с Фондом иранистики выступают региональными координаторами ежегодной международной премии ИРИ «Книга года». Этот конкурс позволяет выявить наиболее значимые научные труды по иранистике и исламоведению во всем мире. В 2004 г. этой премии удостоился профессор Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша (г. Душанбе) Низам Нурджанов за свой двухтомный труд «Традиционный театр таджиков» [Низом Нурҷонов, 2022].

В 2016 г. «Книгой года» в Иране стала книга «Ханафитский мазхаб в истории Центральной Азии», автором которой был Аширбек Муминов, заведующий кафедрой религиоведения Евразийского национального университета им. Льва Гумилева (г. Астана) [Итоги премии... 2016].

Целенаправленная государственная поддержка иранистики в странах ЦА, работа по «совместному освоению общего культурного наследия» помогает Ирану расширять влияние среди представителей интеллигенции этих стран, а через них – в широких общественных кругах. Авторитетные ученые, разрабатывая концепцию национальной идентификации своих республик, апеллируют к идеям культурной общности с Ираном. Например, профессор КазУМОиМЯ имени Абылай хана Сафар Абдулло, литературовед-полиглот таджикского происхождения, считает искусственным само понятие «таджикский язык» и выступает за «восстановление исторического названия языка – фарси». Замену существующей до 1924 г. арабской графики латиницей, а затем кириллицей (в Таджикской ССР) ученый называет «варварским актом», в результате которого «народ был оторван от своих предков, от своих корней, а также лишен непосредственного письменного общения с миллионами персо-

язычных людей, которые жили за пределами Советского Союза [Сафар Абдулло... 2019].

Идея замены кириллицы на арабскую графику в Республике Таджикистан на сегодня (2024) не принята, однако, согласно *Программе развития государственного языка РТ на 2012–2016 гг.*, многие правила написания и нормы произношения были скорректированы на основе исторической орфографии и орфоэпии таджикского языка. Об этих изменениях подробно пишет филолог Халима Хушкадамова, преподаватель таджикского языка в ИСАА МГУ. Анализируя дискуссию по поводу идеи отказаться от кириллицы, исследователь отмечает: «Пользователи сети по-разному относятся к замещению существующей графики арабицей, однако в одном у них общая позиция: необходимо повсеместно организовать изучение языка предков, освоение персидской каллиграфии» [Хушкадамова, 2018, с. 125].

Одним из важных событий культурной жизни Ирана является широкое празднование Новруза (Нового года), который по календарю иранской солнечной хиджры наступает 1 фарвардина, совпадая с Днем весеннего равноденствия 21 марта. Новруз (под разными названиями) отмечается многими иранскими, тюркскими и кавказскими народами как праздник весеннего обновления. Но именно в Иране во времена Ахеменидов Новрузу впервые был придан официальный государственный статус под эгидой зороастрийской религии. Несмотря на «неисламскую» природу, Новруз уже в начале 90-х гг. XX в. был объявлен в Исламской Республике Иран одним из главных национальных праздников. А в 2005 г. правительством ИРИ была подана заявка в ООН на включение Новруза в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. Вслед за Ираном к этому предложению присоединились еще 11 стран, в том числе Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, где тоже широко отмечают праздник весны Новруз (Навруз, Наурыз). Новруз был включен в Список ЮНЕСКО 30 сентября 2009 г., а 23 февраля 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о праздновании «Международного дня Навруз» 21 марта [Международный день...]. Деятели культуры и дипломаты из Ирана всегда являются желанными гостями во всех странах Центральной Азии на торжествах, посвященных этому празднику.

В поисках «национального кода» и базовых точек культурного развития постсоветские страны Центральной Азии опираются на деяния великих предков – выдающихся ученых и поэтов периода Восточного Ренессанса (примерно с IX по XVI вв.). Границы исламских стран в Средневековье были чрезвычайно подвижны и весьма условны, а творческие личности часто путешествовали, спасаясь от набегов завоевателей

и ища покровительство при дворе сильных правителей. Поэтому многие великие ученые и поэты одинаково считаются «своими» в разных частях исламского мира. Например, Джалал ад-Дин Руми (1207–1273) родился в окрестностях находящегося на территории нынешнего Афганистана города Балх, а большую часть жизни провел в Конье, которая в то время была столицей Конийского (Румского) султаната сельджуков, а ныне – территория Турции. Неудивительно, что творившего на нескольких языках Руми считают своим великим предком и персы, и афганцы, и таджики, и турки. Это дает повод не только для споров, но и для общих мероприятий в честь поэта и совместных исследований его творчества. С 2009 г. день рождения Руми (30 сентября) ежегодно отмечается в Таджикистане, и представители Ирана неизменно присутствуют на этих торжествах.

Дни памяти персидских классиков отмечают на разных уровнях во всех республиках Центральной Азии, связывая их жизнь и творчество с историей страны и ставя в один ряд с национальными поэтами. «Сегодня мы чтим память учителя речи Саади Ширази, пользующегося большим уважением в мире поэзии. Богатое содержание стихов Саади Ширази посвящено справедливости и процветанию. Поэтому спустя столетия идеи Саади Ширази повлияли на Махтумкули Фраги и Довлетмаммета Азади, так как эти двое считали Саади своим учителем и стремились достичь его уровня в области поэзии. <...> Сегодня такие мастера речи, как Саади, Хафез, Азади и Махтумкули – это бескрайний океан мира и стабильности», – сказал Моксат Чарыев, ректор Государственного университета иностранных языков имени Довлетмаммета Азади на праздновании Дня памяти Саади 20 апреля 2024 г. [День памяти..., 2024].

В Узбекистане, который позиционирует себя как лидер тюркского мира в ЦА, в начале сентября 2022 г. был открыт памятник великому персидскому поэту Абулькасиму Фирдоуси на улице, носящей его имя в Самарканде – городе компактного проживания ираноязычной диаспоры. Этот величественный монумент работы Тулягана Ёркулова долгие годы хранился в самаркандской мечети Панджаб [Открыт памятник..., 2022]. Торжественное открытие памятника состоялось накануне визита президента Ирана, посетившего Узбекистан впервые за 20 лет. В ходе визита были заключены меморандумы об осуществлении международных грузоперевозок и транзита через порт «Чабахар», о сотрудничестве в сферах нефти, газа и нефтехимии, здравоохранения и фармацевтики, образования, науки, техники и инноваций, экологии, спорта, туризма, занятости и трудовых отношений, подписаны документы между Институтом востоковедения имени Абу Райхона Беруни Узбекистана и Органи-

зацией архива и Национальной библиотеки Ирана, а также *фондами Ибн Сины двух стран*» (курсив мой – А. П.) [Президент Ирана..., 2022].

«Дипломатический потенциал» великих персидских ученых помогает республикам ЦА выстраивать отношения и без прямого участия Ирана. В один из Дней таджикской культуры в Казахстане, проходивших в августе 2023 г., в Астане был открыт памятник Ибн Сине. «Символично, что на казахской земле родился великий мыслитель Востока Аль Фараби. Его труды и труды Абу Али ибн Сины перекликались. Связь персидской и тюркской культур была всегда, они всегда шли и развивались вместе. Думаю, так будет и в будущем», – отметил доктор исторических наук Марат Абсеметов на церемонии открытия памятника [Памятник Авиценне..., 2023].

Заключение

Исламская Республика Иран с начала 90-х гг. XX века позиционирует себя наследницей великой иранской культуры, включающей достижения доисламского прошлого и творения ученых разных эпох на территории от Малой Азии до Индии, где персидский язык играл роль языка межнационального общения, поэзии и науки для различных народов.

Широкое распространение иранской культуры и персидского языка в прошлые века наложило значительный отпечаток на развитие культуры в странах Центральной Азии, что позволяет их условно включить в ареал «Большого Ирана», предполагающий культурную и историческую общность.

Аргумент культурной близости играет важную роль в выстраивании отношений ИРИ с постсоветскими республиками Центральной Азии, которые в поисках своей культурной идентификации опираются на авторитеты великих предков (таких как Ибн Сина, Саади, Фирдоуси, Бируни и др.), так или иначе относящихся к «Большому Ирану».

Хотя не все республики в одинаковой степени считают себя частью «Большого Ирана», каждая из них в своей «многовекторной» политике заинтересована в сотрудничестве с Ираном – страной с большим экономическим и культурным потенциалом.

Наибольшую языковую и этническую близость с Ираном имеет Таджикистан. Однако Таджикистан строит светское государство, а мусульмане Таджикистана традиционно исповедуют ислам суннитского толка, что ограничивает сотрудничество с шиитским духовенством в сфере религиозно-философского образования. Вместе с тем наличие в Таджикистане псевдорелигиозных сообществ типа «ИГИЛ-Хорасан»², совер-

² Террористическая организация, запрещена в России.

шивших несколько терактов на территории Ирана, требуют совместных усилий двух стран по предотвращению экстремистских настроений среди молодежи – не только со стороны правоохранительных органов, но и духовенства.

Иран старается через связанные с ним структуры (культурные представительства, Фонд Саади, Фонд иранистики, Фонд Ибн Сины) поддерживать научное и университетское сообщество стран ЦА, изучающее персидский язык, историю и литературу, поощряет участие ученых ЦА в международных конференциях и творческих конкурсах по иранской тематике. В свою очередь, исследователи-иранисты из стран ЦА становятся проводниками иранской культуры и политики не только в научных кругах, но и среди бесчисленных читателей своих постов в интернете.

В целом использование фактора культурной близости в выстраивании отношений с соседями по региону нам представляется конструктивным направлением во внешней политике Ирана, в отличие от имевшей место в первое десятилетие существования ИРИ изоляционистской политики «Ни Запад, ни Восток – Исламская республика».

Литература / References

1. Арабаджян А. З. Ислам и иранское начало в ИРИ (проблема соотносительности) // Иран: эволюция исламского правления. М.: ИВ РАН, 1998. С. 30–36. [Arabajyan A. Z. Islam and the Iranian beginning in Iran (the problem of correlation) // Iran: the evolution of Islamic rule. Moscow: IOS RAS, 1998. Pp. 30–36. (in Russian)].
2. Кляшторина В. Б. Культурно-политическая доктрина ИРИ в регионе (90-е гг.) // Исламская Республика Иран в 90-е годы (экономика, политика, культура). М.: ИВ РАН, 1998. С. 120–129. [Klyashtorina V. B. Cultural and political doctrine of Iran in the region (90s). Islamic Republic of Iran in the 90s (economics, politics, culture). Moscow: IOS RAS, 1998. Pp.120–129. (in Russian)].
3. Полищук А. И. План реализации культурной политики ИРИ как инструмент «мягкой силы» // Социально-политические процессы на Востоке. Труды Института востоковедения РАН. 2019. Вып. 26. С. 201–210. [Polishchuk A. I. Plan for the implementation of Iranian cultural policy as a tool of «soft power» // Socio-political processes in the East. Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 26. Pp. 201–210 (in Russian)].
4. Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ (социально-политические и экономические аспекты). М.: Муравей, 2002. 136 с. [Sanaei M. Iran's relations with the Central Asian CIS countries (socio-political and economic aspects). Moscow: Ant. 2002. 136 p. (in Russian)].
5. Соболева А. С., Карими Риabi Э. Культурное наследие Ирана в арсенале «мягкой силы» ИРИ // Восток (Oriens). 2021. № 1. С. 130–143. [Soboleva A. S., Karimi Riabi E. Iran's Cultural Heritage in the «Soft Power» Arsenal of the Islamic Republic of Iran// East (Oriens). 2021. No. 1. Pp. 130–143 (in Russian)].

6. Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // *Центральная Азия и Кавказ*. 2014. Том 17. Выпуск 4. С. 131–144. [Wastnidge E. Foreign cultural policy of Iran in Central Asia: a demonstration of political pragmatism // *Central Asia and the Caucasus*. 2014. Vol. 17. Issue 4. Pp. 131–144 (in Russian)].
7. Хушкадамова Х. О. Языковая ситуация в таджикском социуме // *Филологические науки в МГИМО*. 2018. № 16 (4). С. 120–128. [Khushkadamova Kh. O. Language situation in Tajik society // *Philological sciences at MGIMO*. 2018. No. 16. (4). Pp.120–128. (in Russian)].
8. Mahmoudi M. āsiā markazi va roshd hamkārihāye chand jānebe irān va tājikistān (Центральная Азия и развитие многостороннего ирано-таджикского сотрудничества) // *Motāleāt-e āsiā-ye markazi va qafqāz* (Центральноазиатское и кавказское обозрение). 2007. № 58. С. 7–48. [Central Asia and the development of multilateral Iranian-Tajik cooperation // *Central Asian and Caucasian Review*. 2007. No. 58. Pp. 7–48 (in Tajik)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Аслонова Н. Таджикистан и Иран отметили роль персидского языка в развитии двусторонних отношений // *Asia-Plus*. 30.07.2024. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20240730/tadzhikistan-i-iran-otmetili-rol-persidskogo-yazika-v-razviti-dvustoronnih-otnoshenii> (дата обращения: 07.09.2024).
2. Бекмухаммад Косим. Иран выходит на новый круг... // *Asia-Plus*. 19.07.2024. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/opinion/20240719/iran-vihodit-na-novii-krug-chto-zhdad-tadzhikistanu-ot-novogo-prezidenta-irana?utm_source=gravitec&utm_medium=push&utm_campaign (дата обращения: 07.09.2024).
3. День памяти Саади в Университете имени Азади в Туркменистане // Сайт Посольства Ирана в Туркменистане. 23.04.2024. URL: <https://turkmenistan.mfa.gov.ir/ru/newsview/744048/День-памяти-Саади-в-Университете-имени-Азади-в-Туркменистане> (дата обращения: 11.09.2024 г.)
4. Итоги премии «Книга года» об исламе и Иране на русском языке // Сайт Фонда Ибн Сины. 09.12.2016..URL: <https://islamfond.ru/2016/12/09/итоги-премии-книга-года-об-исламе-и-и/> (дата обращения: 07.09.2024).
5. Необходимость расширения сотрудничества для сохранения и распространения персидского языка // Агентство Мехр от 9 мордада 1403 г. с. х. (30 июля 2024). URL: <https://www.mehrnews.com/news/6180410/ريهر-ابين-اتسکيجاتر و همجسینر در کور ادیب-بلاقنا> (accessed: 07.09.2024). На перс. яз.
6. Низом Нурҷонов: Академик нашудам, аз паси мукофот надавидам, фақат кор кардам (Низам Нурджанов: Я не стал академиком, не гнался за наградами, я просто работал) // *PRESSA.TJ* от 06.06.2022. URL: <https://pressa.tj/nizom-nur-onov-akademik-nashudam-az-pasi-mukofot-nadavidam-fa-at-kor-kardam/> (accessed: 07.09.2024). На тадж. яз.
7. Открыт памятник Фирдоуси // Самаркандский вестник. 13.09.2022. URL: <https://sv.zarnews.uz/post/otkrt-pamyatnik-firdousi> (дата обращения: 11.09.2024).
8. Памятник Авиценне открыли в Астане в Дни таджикской культуры // Интернет-портал МТРК «Мир». 25.08.2023. URL: <https://mir24.tv/news/16563110/pamyatnik-avicenne-tkryli-v-astane-v-dni-tadzhikskoi-kultury> (дата обращения: 11.09.2024).

9. Президент Ирана совершает первый за 20 лет визит в Узбекистан // Газета.uz. 14.09.2022. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/09/14/iran/> (дата обращения: 11.09.2024).
10. Сафар Абдулло. Персидский язык, культура и наследие. Что мы делаем не так? // Экспертные записки на сайте Central Asian Analytical Network. 07.07.2019. URL: <https://www.caa-network.org/archives/17506> (дата обращения: 09.09.2024).
11. Экс-посла Ирана в РФ назначили замглавы администрации президента республики // ТАСС со ссылкой на IRNA. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21679489> (дата обращения: 07.09.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Полищук Александр Иванович – канд. ист. наук, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия

Polishchuk Alexander I. – PhD (Hist.), Associate Professor of the Department of Oriental Languages of the Faculty of Translation and Interpreting of Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.